

Hate Radio

Опыт нового гуманизма

В ЭТОМ ГОДУ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ NITRA, ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, БЫЛ ПОСВЯЩЁН ЭМПАТИИ.

Кристина МАТВИЕНКО

Фото предоставлены пресс-службой фестиваля

Призыв в подзаголовке – «Делать и давать» – пришёлся как раз на новую волну иммигрантов из воюющей Сирии. Главные европейские баталии сегодня разворачиваются вокруг вопроса: пускать или не пускать? Среди фестивальных гостей не только худож-

ники и критики, но и те, например, кто ездил волонтером в соседнюю Венгрию, чтобы вывезти на личной машине семью беженцев. Рядом с профессиональными спектаклями – любительская работа из Львова о современных Ромео и Джульетте, оказавшихся по разные стороны баррикад, сначала на Майдане, потом – в Донецкой области. Центральная дискуссия на тему эмпатии затянулась далеко за полночь, и в ней участвовали не только художники, но и бывший диссидент, фоторепортёр, работавший

в горячих точках, омбудсвумен и многократный донор крови. Способность ставить себя на чужое место и чувствовать всю тяжесть положения того, кто оказался в страшных обстоятельствах, выходит за пределы чисто художественного акта: понятно, что искусством можно и не успеть кому-то помочь. Этика и эстетика, поступок и показ смешались – не разлепить.

В программе два хита: польский «**Апокалипсис**» молодого Михала Борчука и знаменитое **Hate Radio** режиссёра Мило Рау, швейцарско-немецкая копродукция Международного института политических преступлений. Оба ставят ребром вопрос об эмпатии, один в отретексированной форме, другой – в прямой публицистической.

«**Апокалипсис**» (варшавский Новый театр Кшиштофа Варликовского) сделан в смешанной технике text-devised и документального театра. Взяв фрагменты поздних интервью марксиста Пьера Паоло Пазолини и статьи звезды итальянской журналистики Орианы Фаллачи, режиссёр столкнул лоб в лоб две позиции. На одной стороне – борец с буржуазностью и защитник «других», приходящих в Европу из арабского и мусульманского мира, на другой – ярая противница концепции толерантности, критиковавшая исламизм как опасную религию и усматривавшая в нём ростки нового фашизма. Пазолини, дающий в 1975-м одно из своих последних интервью, скоро будет найден жестоко убитым на пустынном пляже. Фаллачи – гламурная дама в солнцезащитных очках – даст отповедь своему другу, кинорежиссёру и гомосексуалисту, борющемуся с ложью капиталистически устроенной, комфортной Европы, и доживёт аж до 2006 года, то есть станет свидетельницей 11 сентября.

В смысловое и визуальное поле спектакля Борчука помещён знаменитый снимок южноафриканского фотографа Кевина Картера, на котором умирающую от голода суданскую девочку караулит стервятник. За снимок 1994 года Картер получил Пулитцеровскую премию – и в то же время множество упреков в неэтичности, а через три месяца покончил с собой, оставив записку отчаянного содержания: «Я подавлен... Денег на аренду квартиры нет... Денег

на детей нет... Меня преследуют воспоминания об убийствах, и трупах, и злобе, и боли... картины голодающих или раненых детей...» Опрокинутые в нынешнюю ситуацию, когда боль и страдания граждан других стран оказались рядом с тобой, по эту сторону границы, пободные рассуждения перестают быть абстракцией – они взыскуют к немедленному принятию решений. Или же оставляют тебя в состоянии опустошённости и страха. «Апокалипсис», будучи принципиально разомкнутым по структуре, ставит вопросы, вовлекая зрителя в трепещущее поле вавилонского смешения позиций.

Мило Рау сделал выдающийся по силе документальный спектакль, реконструировав события, случившиеся в Руанде весной 1994 года. Место действия – радиостудия, ведущих трое: чернокожая Ванесса, её витальный соплеменник в костюме и бельгиец, ищущий работу на радиостанции «Свободное радио и телевидение тысячи холмов» после того, как его не приняли в Красный крест. В 1994 году после гибели самолёта местного президента, произошёл государственный переворот и начался геноцид племени тутси (15% местного населения с более высоким социальным положением). Радио сыграло решающую роль в резне, когда было убито больше миллиона человек, – его ведущие диктовали списки потенциальных жертв, обнародовали их местонахождение и развлекались при этом как могли.

Главным событием спектакля Мило Рау становятся подробно воссозданные и показанные в мучительной протяжённости несколько рабочих часов из жизни hate-радио. Как трое хариз-

Hate Radio

матиков глумятся над всем, что только можно вообразить. Как входит в раж мужик с огнестрелом под мышкой, танцует под американскую попсу и посылая издевательский привет Биллу Клинтону. Как курят травку и читают новости с фронта массовых убийств. Как принимают звонки от простых руандийцев, интересуясь, а что же сейчас происходит на улице. Дикая смесь восторга от самих себя и нарастающего ужаса завершается... окончанием смены. Сняты наушники, выключена табличка on air, а зритель не может опомниться от увиденного: именно потому, что здесь так подробно, шаг за шагом, проанализирована технология убийства посредством массмедиа.

Совсем иначе использует документальное свидетельство петербургский режиссёр Борис Павлович. Всё, что осталось от латыша Артура Страдиньша, в послевоенные годы сидевшего в Вятлаге, это его дневник. Страдиньш был из некурящих счастливых, ему не приходилось выменивать еду на папиросы. На папиросной бумаге он писал дневник – очень лаконичный (слов помещалось мало) и душераздирающий. Минималистский в средствах «Вятлаг» изначально был создан, чтобы собрать

деньги для одного из артистов кировского «Театра на Спасской», попавшего под горячую руку московской полиции во время уличных беспорядков на Болотной площади в мае 2012 года. Павлович показал выбор современного художника: сидеть сложа руки или попытаться помочь. «Вятлаг» регулярно игрался в Театре.doc, был в программе «золотомасочного» Russian Case, поехал по фестивалям и оказался историей с хорошим финалом: кировского артиста через несколько месяцев отпустили.

Спектакль **Lost Antarctica** латвийского режиссёра Вальтера Силиса в независимом рижском Dirty Deal Teatro посвящён парадоксам глобального потепления. И в «Вятлаге», и в **Lost Antarctica** свидетельствует не человек, а случайные носители информации – фотографии из личного альбома, слайды, обрывки научных статей. Документация реальности является одним из самых приспособленных к эмпатии инструментов, который помогает нам распознать чужую боль, страдание или радость в обычных вещах.

Словацкий **Reverse** (театр из Кошице) Йозефа Чалика ретроспективно показывает жизнь одного мужчины. В начале спектакля он – неопознанное тело бездомного, которое подбирают и отправляют на вскрытие, в середине его выгоняют с работы и он узнаёт об измене жены, а в конце он предстаёт родившимся у молодой матери младенцем, которого отец купает в тазике и «заговаривает» от всех бед и лишений старинным словацким способом.

«Мой мир 2, или Закат империи» (Национальный театр Словакии) режиссёра Ростислава Баллека и драматурга Вильяма Климачека – сложно

устроенный и целиком погружённый в словацкую историю в её проблемных точках интеллектуальный театр о самосознании. Конфликт между западным и восточным путями развития становится здесь опорой. На огромном чёрном ринге разыгрывается клоунада на сюжеты из древней истории, оказавшейся внезапно актуальной для нынешней Словакии. «Восток живёт для будущего, Запад – для настоящего. Восток любит мечтать, Запад предпочитает действовать. Восток чувствует, Запад думает. Мы почти забыли, что когда-то выгнали со своей земли последователей Мефодия. Но они могли бы писать на кириллице и быть там, где ныне – наши восточные соседи...» – это из разговора короля Святополка и герцога Ростислава. Разношёрстное по эстетике действие вызвало тем не менее большой резонанс среди публики – именно тем, что заострило важную для страны тематику в радикальном и неполиткорректном духе.

Собирая программу фестиваля Nitra вокруг темы эмпатии и на фоне активно развивающейся истории передвижения

огромной массы людей из Сирии в Европу, организаторы, в том числе бессменный руководитель фестиваля Дарина Карова, сделали замечательно своевременный шаг. На публичных дебатах ярко и неординарно высказывались не только театральные спикеры, но и социальный работник Сергей Кара, юрист Игорь Барилик, омбудсвумен Сюзанна Куша, диссидент и писатель, работавший в госпитале, Мартин Шимечка, политолог Александр Дулеба. Ответственность художника приобретает сегодня исключительно важное значение: нет больше чужих проблем и войн, одна на всех большая проблема отменяет любые границы. Вероятно, поэтому именно на фестивале Nitra-2015 почти исчез ещё один барьер – между театром и жизнью. Театр с новыми, возможно, последними силами собирается включиться в эту реальность, словно отвоёвывая себе место среди других – волонтеров, националистов, противников и защитников мигрантов, власть имущих и беспомощных. Театр претендует на право действовать. И, похоже, иногда ему это удается.

"Apocalypse"

The New Humanity Experiment

THIS YEAR, THE THEME OF NITRA FESTIVAL, ONE OF EASTERN EUROPE'S OLDEST INTERNATIONAL THEATRE FESTIVALS, WAS DEDICATED TO EMPATHY.

Kristina MATVIENKO

Photos courtesy of the festival press service

The subtitle "To Do and to Give" happened to coincide with a new wave of immigrants. Serious battles rage around the question of whether or not they should be allowed in. The ability to put yourself in the shoes of another person, who comes from terrible circumstances, goes beyond a simple work of art: it's clear that art may

not be enough to help save someone. Ethics and aesthetics, action and demonstration mixed together and can no longer be pulled apart.

The program's two hit numbers – Poland's "Apocalypse" by young Michal Borczuch and the famous "Hate Radio" by director Milo Rau (a joint Swiss-German production by the International Institute of Political Murder) – ask the question of empathy point blank.

"Apocalypse" (Krzysztof Warlikowski's New Theatre in Warsaw) is a blend of

text-devised and documentary theatre. The director takes excerpts from the latest interviews by Marxist Pier Paolo Pasolini and the article by Italy's star journalist Oriana Fallaci and sets the two positions squarely against one another. On the one side is an advocate against bourgeois tendencies and a staunch defender of "the others", who come to Europe from the Arabic and Muslim world, on the other – is a vocal opponent of the concept of tolerance, who criticized Islamism as a dangerous religion, noting that it shows the emerging elements of new fascism. Pasolini would be found brutally murdered soon after the interview. The glamorous Fallaci would rebuke her friend, a film director and a homosexual who fought against the lies of the capitalist, comfortable Europe, and would later become witness to 9/11.

A famous picture by South-African photographer Kevin Carter, wherein a vulture watches over a Sudanese girl who is dying of hunger, is made part of the semantic and visual field in Borczuch's production. The photograph won Carter the Pulitzer Prize and, along with it, numerous reproaches for his lack of ethics. He committed suicide soon after, leaving behind a note: "I'm depressed... Without money for rent... money for child support... I am haunted by the vivid memories of killings and corpses and anger and pain... of starving or wounded children..." The suffering of people from other countries stops being an abstract – it calls for an immediate solution. Or it leaves you in a state of emptiness and fear. "Apocalypse" pulls the audience into a field of Babylonian confusion of positions.

Milo Rau made an outstandingly impactful documentary production by reconstructing the events that took place in Rwanda in the spring of 1994. The setting is a radio station, and there are three radio hosts: the dark-skinned Vanessa, her vital fellow tribesman and a Belgian, who's looking for a job at the "Thousand Hills Free Radio and Television" radio station after being turned down by the Red Cross. In 1994, after the local president's plane was shot down, the country suffered a political coup, which was followed by the genocide of the Tutsi tribe (15% of the local population with a higher social status). The radio station played a decisive role in the slaughter, where over a million people were killed – its hosts read on air

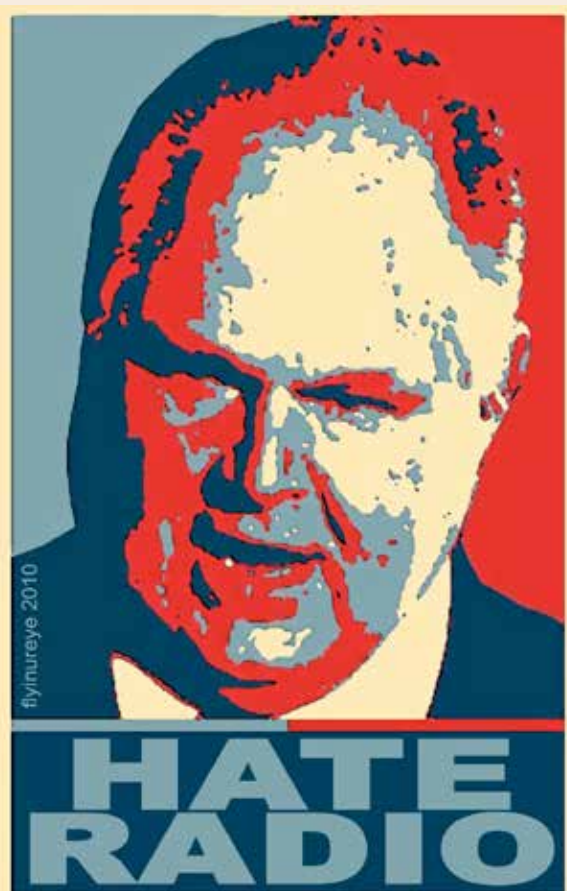
the names of potential victims along with their whereabouts and amused themselves as best they could.

The production's main event is the detailed recreation of several hours of operation in the life of the hate radio, where the three charismatic hosts are mocking everyone indiscriminately. A barbaric blend of delight with their own selves and an ever-growing horror culminates with... the end of the shift. The headphones come off, the "on air" sign is switched off as well, and the audience cannot get over what they've just seen: this is how detailed was this analysis of the technique of murder by means of mass media.

St. Petersburg director Boris Pavlovich uses documentary evidence in a completely different manner. The only thing left behind by Latvian Arthur Stradinsh, who spent his post-war years in the Vyatlag camp, is his diary. Stradinsh was a lucky non-smoker; he didn't trade food for cigarettes, instead he used the cigarette paper to write his diary on – laconic (few words could fit on it) and heart-rending. Minimalist in funds "Vyatlag" was made to collect money for one of the actors from Kirov's Theatre on Spasskaya, who happened to cross the Moscow police during the street riots on Bolotnaya Square

"Apocalypse"

in May of 2012. Pavlovich displayed the choices faced by contemporary artists: sit idly by or try to help. **“Vyatlag”** was shown regularly in Teatr.doc, was featured in the Golden Mask’s Russian case program, toured with various festivals and ended up being a story with a happy ending: Kirov’s actor was released several months later.

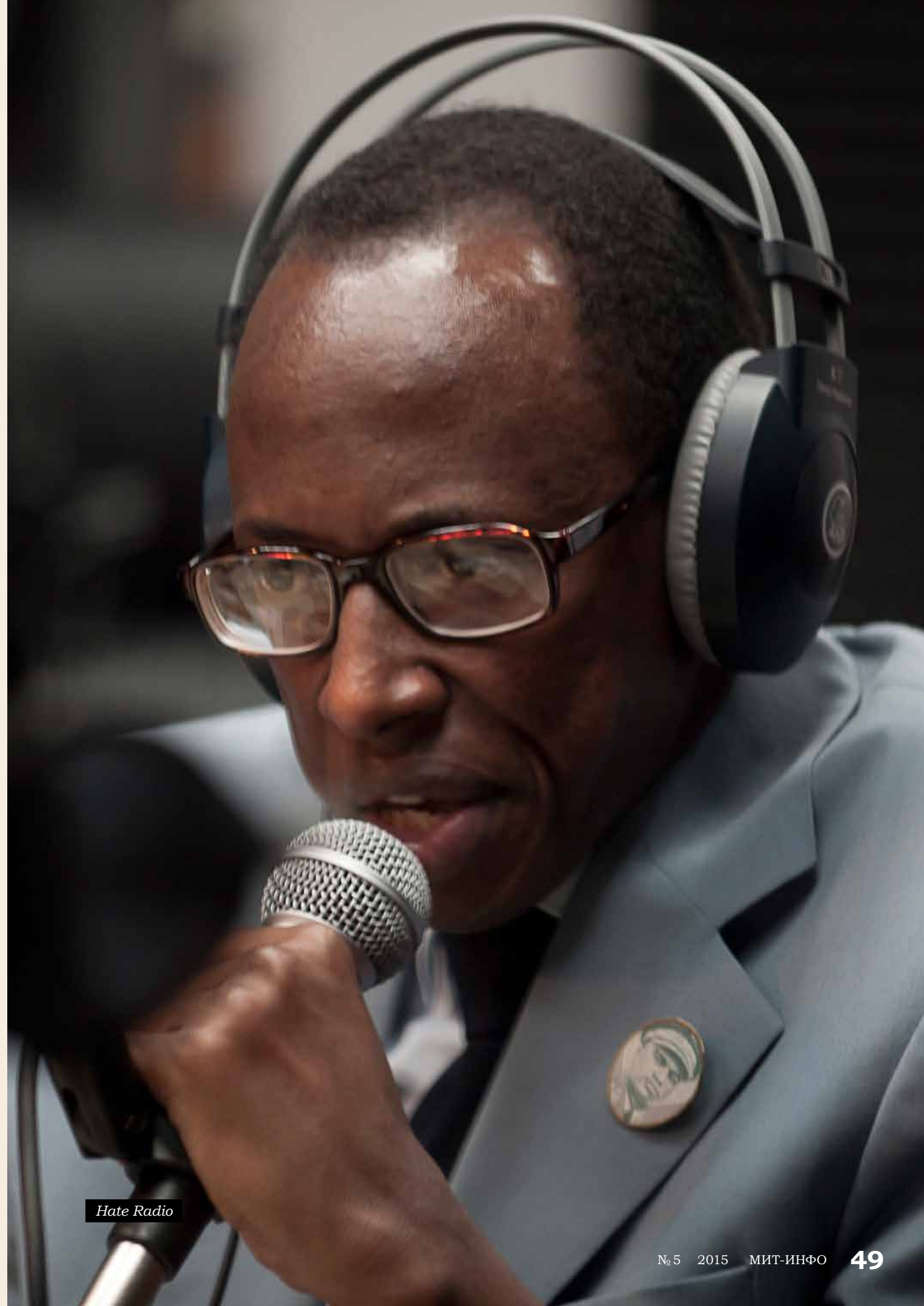
The **“Lost Antarctica”** production by Latvian director Valters Silis, shown in Riga’s independent Dirty Deal Teatro, is dedicated to the paradoxes of global warming. Accidental information carriers – photos from a personal album, slides, excerpts from scientific articles – provide testimony in this production: documentation of reality is a tool best suited for empathy.

Slovakia’s **“Reverse”** (Košice Theatre) by József Czajlik shows the life of one man retrospectively. In the beginning of the production he is an unidentified body of a homeless person sent in for autopsy, in the middle he is a man who was fired from his job and found out that his wife was cheating on him, and in the finale he is an infant, whose father is bathing him in a wash basin and “charming” him

from any and all troubles and hardships in accordance with an ancient Slovak tradition.

“My World 2, or the Fall of the Empire” (Slovak National Theatre), by director Rostislav Ballek and playwright Viliam Klimacek, is a complex intellectual theatre about self-consciousness and conflict between Western and Eastern paths of development, steeped fully in the issues of Slovak history. A circus to the themes from ancient history that suddenly became topical for modern-day Slovakia is taking place in the ring. “The East lives for the future, the West – for the past. The East loves to dream, the West prefers to act. The East feels, the West thinks. We almost forgot that we had once run the followers of Methodius off our land. But they could be writing in Cyrillic script and living where our current Eastern neighbors are...” – this is from a conversation between King Sviatopolk and Duke Rostislav. The action, mixed in its aesthetics, has nevertheless drawn a wide response by emphasizing the subject that is significant for the country in a radical and politically incorrect manner.

In concentrating the Nitra festival program around the subject of empathy against the background of migration of great masses of people from Syria to Europe, the organizers, including the festival’s permanent director Darina Karova, made an incredibly timely move. The public debates involved vivid and unorthodox statements not only from theatre speakers but also from social worker Sergey Kara, attorney Igor Barilik, ombudswoman Sussanna Kusha, Martin Šimečka, dissident and writer, who worked in a hospital, political scientist Alexander Duleba. These days the responsibility of an artist takes on an exceptionally important meaning: there are no more foreign problems and wars, one big problem impacts everyone and negates all borders. That is probably why the Nitra-2015 festival saw a virtual elimination of yet another barrier – the one between theatre and life. Theatre plans on inserting itself into this reality with renewed and, perhaps, final reserves, as if it’s trying to take back its place among others – volunteers, nationalists, opponents and proponents of migrants, the powers that be and the helpless. Theatre claims the right to act. And it looks like it, occasionally, succeeds.

Hate Radio